

Разложение государств

Если экономическое положение Европы может быть сформулировано словами: промышленный и коммерческий хаос и несостоятельность капиталистического производства, — то политическое состояние должно быть охарактеризовано так: быстрое разложение и близкий крах всех государств.

Действительно, все они, от жандармского самодержавия России до буржуазной олигархии Швейцарии, большими шагами идут к разложению и, следовательно, к революции.

Дряхлые старики с морщинами на челе, с дрожащей поступью, изъеденные конституционными болезнями, неспособные приобщиться к новым потокам жизни, они бесцельно растрачивают жалкий остаток своих сил на взаимную вражду, на защиту отживших предрассудков, и этим ускоряют свою гибель.

Неизлечимая болезнь — болезнь старости и разложения — гложет их.

Достигнув в XVIII веке кульминационного пункта своего развития, старые государства Европы вступили теперь в фазу упадка. Государство — организация, в которой всеми членами и всеми делами управляют несколько человек, отжило свой век. Человечество вырабатывает уже новые формы общественной жизни. Народ стремится к разрушению власти, препятствующей его свободному развитию. Он хочет автономии провинций, коммун, рабочих союзов, основанных на взаимном добровольном соглашении, а не на предписанных властью законах.

Вот та историческая фаза, в которую мы уже вступили.

Если-бы правящие классы могли только понять современное положение общества, они, конечно, поспешили-бы стать впереди всех новых стремлений. Но, прожившие всю жизнь по старым традициям, не зная иного культа, кроме культа золотого мешка, они всеми силами противятся наплыву новых идей и этим самым неизбежно ведут нас к бурному потрясению. Народ предъявит свои требования под гром пушек, под треск картечи, при зареве пожаров.

Когда после падения средневековых учреждений, родились в Европе новые государства, они должны были заведывать лишь небольшим кругом общественных дел. Теперь же государство вмешивается положительно во все проявления нашей жизни. От колыбели до могилы мы все время в его тисках. Будь то центральное государство, автономные провинции или кантоны, общинное государство, оно преследует нас повсюду, налагает на нас свои цепи, предписывает нам свои законы.

Оно создает целые груды этих законов и предписаний, разобраться в которых не может самый искусный адвокат. Оно каждый день прилаживает что-нибудь новое к старой машине и создает сооружение настолько сложное, дикое и нелепое, что им начинают возмущаться

сами его заправители. Оно содержит целую армию чиновников, пауков-взяточников, смотрящих на мир сквозь грязные стекла своих канцелярий, теряющих здравый смысл среди бесконечной путаницы канцелярских бумаг.

Это — шайка, имеющая одну религию — религию медного гроша, одну заботу — скорее примкнуть к той партии, будь она черная, лиловая или белая, которая гарантирует максимум оклада при минимуме работы.

Результаты — нам слишком хорошо известны.

Есть-ли хоть одна отрасль государственной деятельности, которую бы не возмущались все, имеющие к ней прикосновение, хоть одна отрасль, в которой государство, после многих веков существования и работы, не показало-бы полной своей несостоятельности?

Громадных, все растущих сумм, взимаемых с народа государством, не хватает на удовлетворение его нужд. Оно всегда живет на счет будущих поколений.

Государственные долги Европы достигли сейчас неимоверной цифры больше ста миллиардов, — ста тысяч миллионов франков. Если-бы доходы всех государств были употреблены на погашение этого долга, на это не хватило-бы и пятнадцати лет. Между тем, государства с каждым днем увеличивают свои расходы; каждая партия, стоящая у власти, создает новые должности для своих клиентов — это неизбежно.

Так обстоит дело во время мира. Когда же наступает война, государственные долги и дефициты возрастают неимоверно. И этому нет конца; нет выхода из этого лабиринта. Государства на всех парах идут к разорению, к банкротству, и не далек тот день, когда обнищавший народ откажется платить ежегодно банкирам четыре миллиарда процентов, объявит полный крах государств и пошлет этих самых банкиров пахать землю, если им хочется жить.

С существованием государства неразрывно связана необходимость войны. Государство должно быть сильным, сильнее соседей, иначе оно будет игрушкой в их руках. Оно должно способствовать разорению других государств, чтобы подчинить их своим законам, ввести свои торговые договоры и разбогатеть на их счет. Борьба за преобладание, основа буржуазной экономической организации, является в то же время основой и политической организации. Вот почему война стала естественным состоянием Европы. Войны прусско-датская, прусско-австрийская, франко-прусская, война на Востоке, в Афганистане — непрерывно следуют одна за другой. Предвидятся еще новые войны: Россия, Англия, Пруссия, Дания готовы сейчас направить друг на друга свои войска. Причин для войны есть еще лет на тридцать.

А война влечет за собою безработицу, кризисы, увеличение налогов, наращивание долгов. Кроме того, война — нравственный удар для государства. После каждой войны народ убеждается в несостоятельности государства даже в его прямом назначении: оно едва защищает свою территорию; даже победителем оно терпит большой урон. Вспомните только брожение, вызванное войной 1871 года как во Франции, так и в Германии; вспомните недовольство, возникшее в России по поводу войны на Востоке.

Войны и вооружение ведут государства к гибели; они ускоряют их нравственный и экономический крах. Еще одна, две больших войны, и конец этим развинченным машинам.

На ряду с внешней войной — война внутренняя.

Признанное народом на условии — быть защитником слабых против сильных, государство стало теперь оплотом богатых против эксплуатируемых, хозяев против рабочих.

К чему она, эта огромная машина, именуемая государством? Препятствует-ли она эксплуатации рабочего капиталистом, крестьянина помещиком? Обеспечивает-ли нам свободу труда? Защищает-ли нас от ростовщиков? Дает-ли хлеба женщине, когда она водою старается утолить голод ребенка, плачущего у её истощенной груди?

Нет, тысячу раз нет! Государство покровительствует эксплуатации, спекуляции, частной собственности — этому продукту грабежа. Пролетарию же нечего ждать от государства; оно всеми силами стремится помешать его эмансипации.

Все — для паразита-хозяина; все — против работника-пролетария: буржуазное воспитание, развращающее ребенка, внушая ему предрассудки против равенства; церковь, затуманивающая рассудок женщины; законы, препятствующие обмену мыслей о равенстве и солидарности; деньги для развращения и подкупа апостолов пролетариата; наконец, тюрьма и каторга в избытке для тех, кого нельзя подкупить. Вот что такое „государство“...

Может-ли это итти так дальше?

Конечно, нет. Целый класс общества, самый многочисленный и единственный производящий, не может вечно поддерживать организацию, направленную всецело против него. Везде, — как под деспотическим игом России, так и под лицемерным правлением гамбетистов, — недовольный народ восстает. История наших дней — это история борьбы привилегированных правителей с угнетенным народом, требующим уравнивания прав. Эта борьба составляет главную заботу правителей и всецело руководит их действиями. Не определенные принципы, не заботы о благе народа кладут они в основу новых законов и распоряжений, а исключительно стремления сохранить свои привилегии.

Эта борьба, одна, могла бы разрушить самую прочную политическую организацию. Когда же она происходит в государствах, идущих к упадку в силу исторической необходимости, когда эти государства ускоряют сами свою гибель, разрушая друг друга, когда они становятся ненавистными даже тем, кому они покровительствуют, — в исходе борьбы не может быть сомнения. Народ найдет силы, чтобы освободиться от своих притеснителей. Гибель государств близка и неизбежна. Самый спокойный философ не может не видеть зарева грандиозной революции.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 апреля 2025 23:18:38

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 апреля 2025 23:19:07